

(«Божественный Август», 53, 3) переведен таким же характерным русским идиоматическим выражением — «со многими он был знаком домами» (стр. 56). Слова Светония об обстановке каприйского дворца (Тиберий, 43, 2) «*lascivissimae picturae*» Гаспаров передает так: «картины самого непристойного свойства» (стр. 92). Очень живо (и притом с уместным налетом архаичности) звучит фраза об Отоне: «С ранней молодости он был такой мот и наглец, что не раз бывал сечен отцом» (ст. 181 — «Отон», 2: «*A prima adulescentia prodigus ac prociac, adeo ut saepe flagris obiurgaretur a patre*»).

Передача «физиогномики» подлинника с особенной уверенностью осуществлена в переводе биографий литературных деятелей — риторов, грамматиков и прежде всего поэтов. Здесь переводчику помогало не только отличное знание римской литературной жизни, но и глубокое ощущение стихии русской словесности времен Ломоносова или Карамзина; он опирался на изоморфность этих двух миров, приискивая русские эквиваленты той лексики, в которой запечатлелась структура жизни писательских кругов Рима. Так, заглавие книги Гая Мелисса «*Inertiae*» М. Л. Гаспаров передает словом «Безделки» (ср. «Мои безделки» Карамзина!).

Возражений перевод в целом почти не вызывает. Едва ли хорошо передавать «*mores*» как «нрав» (например, «Божественный Юлий», гл. 65, 1: *Militem peque a moribus... probabat, sed tantum a viribus* — «Воинов он ценил не за нрав..., а только за мужество»). «Нравы» было бы в этом контексте уместнее. Единственное число «нрав», как правило, не оценочно и относится к одной особенности человека («податливый нрав», «упрямый нрав»); множественное число «нравы» — оценочно и охватывает все моральное поведение человека в целом («хорошие нравы», «дурные нравы» «испорченные нравы»). Между тем очевидно, что здесь на первом месте — именно оценочный аспект понятия: Цезарь не стеснялся брать к себе «отпетых», но храбрых людей. То же и в ряде других случаев (например, «Домициан», 18, 2).

На фоне обычной для переводчика щепетильности в подборе лексики бросаются в глаза соседствующие варваризмы «в результате» и «интриги» на стр. 245 (из заметки о Пассиене Криспе — «Он умер в результате интриг Агриппины», в оригинале: «*Periit per fraudem Agrippinae*»).

Почти все стихотворные цитаты, встречающиеся в тексте, заново переведены самим М. Л. Гаспаровым. Некоторые из этих переводов хочется отметить особо. При передаче Вергилиева стиха («Энеида», I, 282) — «*Romanos, regum dominos, gentemque togatam*» — удачно сохранена его структура (стр. 51):

Рима сыны, владыки земли, облеченные в тогу!
Очень живо переданы одиннадцатисложники Бибакула о Валерии Катоне:

«... Подивится, какой такой наукой
Он дошел до великого уменья
Полуфунтом муки, да кочерыжкой,
Да двумя виноградными гроздьями
Пропитаться до старости глубокой!»

Цитаты (не только стихотворные) и вообще прямая речь очень оживляют рассказ Светония, создавая выигрышный контраст сухости авторского изложения. Переводчик это хорошо понял и передал. Вот как передана речь Цезаря к солдатам («Божественный Юлий», 66): «Знайте: через несколько дней царь будет здесь, а с ним десять легионов, да всадников тридцать тысяч, да легковосоруженных сто тысяч, да слонов три сотни. Я это знаю доподлинно, так что кое-кому здесь лучше не гадать и не ломать голову, а прямо поверить моим словам (*proinde desinant quidam quaerere ultra aut opinari, mihi que, qui compertum habeo, credant*); а не то я таких посажу на дырявый корабль и пушу по ветру на все четыре стороны (*quocumque vento in quascumque terra iubebo avehi*)».

Издание снабжено двумя обстоятельными статьями. Одна из них — «Светоний и его время» — характеризует политическое содержание памятника и принадлежит Е. М. Штаерман; вторая — «Светоний и его книга» — объясняет литературную форму памятника и принадлежит М. Л. Гаспарову. Ясно и живо написанная статья Е. М. Штаерман содержит необходимую для широкого читателя информацию о той эпохе, в которую писал Светоний, и о той, которую он описывал. Оригинальные тезисы статьи М. Л. Гаспарова: здесь сделана попытка, — на наш взгляд, вполне удавшаяся, — выявить внутреннюю органичность структуры Светониевых биографий, объяснить эту структуру (обычно представляемую, как формальный курьез) из культурной ситуации времени и политической тенденции автора. Интересно сопоставление этологических установок Светония, Тацита и Плутарха (стр. 267—269). На уровне современной филологической науки находится анализ композиционной техники Светония (стр. 270—275, особенно стр. 274). В этом разделе не совсем точна лишь формулировка: «Эти „предметы“, определяющие членение разделов на рубрики, неизменны во всех биографиях» (стр. 271); четырьмя страницами ниже сам автор с полным основанием утверждает, что «нет таких двух биографий, в которых порядок рубрик был бы один и тот же» (стр. 275). Но эта оговорка — случайность; в целом статья отличается большой четкостью не только мысли, но и изложения, ответственным отношением к слову.

Научный стиль книги сказался и в других приложениях (составитель М. Л. Гаспаров). К изданию приложена солидная хронологическая таблица, учитывающая как исторические, так и историко-литературные события, упоминаемые Светонием не только в «Жизни двенадцати цезарей», но и в биографиях риторов, поэтов и грамматиков (стр. 344—350). Далее, мы находим в приложениях также родословия Юлиев, Клавдиев и Флавиев (вкладка между стр. 350 и 351), указатель имен (стр. 351—370) и, наконец, карту Римской империи и оригинальный план города Рима при первых императорах, из которого исключены присутствующие на планах постройки, выполненные после 96 г.

Примечания составлены с надлежащей полнотой и тщательностью.

Таким образом, столь несходный облик двух античных биографов оказался в каждом случае воссозданным по-своему точно, убедительно и талантливо. Переводы С. П. Маркиша и М. Л. Гаспарова свидетельствуют о высоких возможностях переводческой работы над античными текстами, обеспечиваемых общим состоянием культуры перевода в нашей стране. При существенной разнице избранного каждым из этих двух переводчиков подхода к оригиналу их объединяет высокий уровень требований, которые они предъявляли к своему труду, и можно было бы только желать, чтобы этот уровень стал общеобязательной нормой в деле перевода древних классиков.

С. С. Аверинцев

Т. В. ГРЕК, Е. Г. ПЧЕЛИНА, В. Я. СТАВИСКИЙ, *Кара-тепе—буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе. Основные итоги работ 1937, 1961—1962 гг. и индийские надписи на керамике*. Общая редакция В. Я. Ставиского, М., Изд-во «Наука», 1964, 110 стр., 48 рис., цена 48 к.

Рецензируемый сборник состоит из трех статей, освещающих итоги археологического исследования буддийского пещерного монастыря, находившегося на территории древней Северной Бактрии. Статья В. Я. Ставиского посвящена основным итогам раскопок Кара-тепе в 1961—1962 гг., в статье Т. В. Грек публикуются индийские надписи на керамике, в статье Е. Г. Пчелиной излагаются результаты работ на этом комплексе с 1926 по 1937 г.

Поскольку о ранних работах на Кара-тепе уже имелась некоторая информация в печати¹ и поскольку раскопки 1961—1962 гг. принесли очень значительный материал, то естественно, что основное внимание привлекают первые две статьи сборника.

Статья В. Я. Ставиского состоит из двух частей: в первой дается публикация вскрытых архитектурных сооружений (как надземных, так и подземных) и отдельных находок (фрагменты ганчевых статуй, каменные архитектурные детали, фрагменты настенных росписей, культовые предметы, керамика, монеты), а вторая ставит целый ряд историко-культурных вопросов, для решения которых

раскопки Кара-тепе дали новый материал.

Первая часть статьи В. Я. Ставиского вряд ли может вызвать какие-либо серьезные замечания. Безусловно правильным представляется определение исследуемого комплекса как буддийского пещерного монастыря; не вызывает сколько-нибудь существенных возражений и анализ находок. Также в основном можно согласиться и с выводами второй части, ставящей исследуемый комплекс в связь со многими явлениями историко-культурной жизни Средней Азии в античную эпоху (вопрос о культуре и искусстве Бактрии при кушанах, вопрос о времени, условиях и путях распространения буддизма и т. п.).

Однако, соглашаясь с основными выводами автора, мы не можем не сделать и некоторых критических замечаний. Первое из них касается общей картины проникновения буддизма в Среднюю Азию и отсюда далее на Восток. Прежде всего нам представляется возможным говорить о более раннем, чем то предполагает автор, распространении буддизма в Бактрию. В. Я. Ставиский в этой работе высказывает сторонником концепции, которая связывает распространение буддизма в Средней Азии главным образом с покровительством, которое оказывали этой религии правители Кушанской династии (прежде всего Канишка), и считает возможным говорить о таком распростра-

¹ Е. Г. Пчелина, Древнебуддийский монастырь Кара-тепе. Термез, «Доклады и сообщения истор. ф-та МГУ», вып. 4, М., 1946, стр. 52—56.

нении с I — начала II в. н. э. Эта точка зрения, восходящая к Фуше², однако, не пользуется всеобщим признанием. Существует и другая концепция, утверждающая, что проникновение буддизма могло иметь место и в гораздо более ранние периоды. Подобные взгляды, в частности, развивал Р. Гиршман³. И, конечно, в работе, специально посвященной вопросам истории буддизма в Средней Азии, обойти молчанием существование второй концепции нельзя. Автор должен был обосновать свое согласие с той или иной точкой зрения. Интересно отметить, что уже после выхода в свет данной работы появилась статья известного венгерского ученого Я. Харматты⁴, во многом по-новому подошедшего ко всей проблеме распространения буддизма и привлечшего значительные новые материалы. После этой работы вряд ли можно сомневаться в более раннем проникновении буддизма в Бактрию.

Кроме того, нельзя не обратить внимания на известную односторонность автора (отчасти объясняемую тем, что в центре его исследования находится Бактрия) в трактовке роли отдельных среднеазиатских народов в распространении буддизма отсюда далее на Восток. Автор игнорирует роль парфян, как проповедников и миссионеров буддизма. Это соответствует точке зрения, развиваемой индийским ученым П. Багчи⁵ и нашедшей свое отражение в ряде работ советских ученых⁶. Ее приверженцы исходят из утверждения, что все довольно многочисленные данные о значительной роли буддистов-парфян в распространении этой религии в Китае легендарны. Подобные, несколько гиперкритические, взгляды до недавнего времени подкреплялись тем, что на территории Парфии не было обнаружено ни одного буддийского памятника. Материалы из Таксилы парфянского времени не принимались во внимание по соображению, что между временем падения парфянской власти в Таксиле и деятельностью Ань-ши-гао⁷ (парфян-

ского принца, проповедовавшего буддизм в Китае) — хронологический разрыв в сто лет. Сейчас, однако, после открытия в древнем Мерве, крайнем форпосте Парфии на Востоке, буддийского святилища, возникшего в аршакидское время⁸, можно считать твердо установленным, что все эти данные буддийской традиции отныне твердо переходят из ранга легендарных (хотя и ранее большинство синологов, исследовавших этот круг вопросов, считало их достоверными) рассказов в ряд исторических фактов.

Можно сделать автору и ряд более мелких замечаний: так, в общем обзоре археологических работ в Бактрии, приведших к открытию памятников кушанского времени, не упомянуты работы немецкой археологической экспедиции под руководством К. Фишера⁹, автором не использована фундаментальная работа Е. Цюрхера¹⁰, очень тщательно исследовавшего проблему проникновения буддизма на Дальний Восток. Весьма спорной представляется и характеристика основных черт архитектуры Бактрии кушанского времени (частое применение обводных коридоров, огибавших с трех или четырех сторон замкнутое центральное помещение, широкое использование деревянных колонн с каменными профилированными базами, употребление для кладки стен крупного квадратного сырцового кирпича). В таком виде эта характеристика в сущности не указывает ни на одну специфически бактрийскую архитектурную черту, поскольку все три отмеченные автором особенности встречаются на гораздо более широкой территории (например, в Нисе, Парфии).

Также вряд ли можно поддержать сомнения автора относительно датировки росписей Кухи-Ходжа I веком н. э. (стр. 30, прим. 46). Сомнения Б. Я. Ставиского вызваны наличием здесь так называемой крылатой короны, которая, «судя по известным сейчас данным характерна лишь для поздней и послекушанского времени». Надо отметить, что генезис этой реалии еще не совсем ясен, но можно сослаться на находки парфянской скульптуры в Хатре, где есть изображение местного царя с короной в виде орла с распростертыми крыльями. Возможно, что эта корона послужила прообразом для упоминаемых автором корон. Это тем более показательно, что Кухи-Ходжа в это время входила в состав восточнопарфянского государственного образования.

⁸ М. Е. Массон, Из работ ЮТАКЭ АН ТССР в 1962 г., «Известия АН Туркмен-ССР, серия общ. наук», 1963, № 3, стр. 51 сл.

⁹ К. Fisher, Preliminary Notes on Some Ancient Remains at Kunduz, Afghanistan, vol. XVI, N-1, стр. 12—26.

¹⁰ E. Zürcher, The Buddhist Conquest of China, Leiden, 1959.

² A. Foucher, La vieille route de l'Inde de Bactres, à Taxila, II, P. 1947, стр. 280—281.

³ R. Ghirshman, Begram, Le Cairo, 1946, стр. 146.

⁴ J. Harmatta, Sino-Indica, AAn-ASH XII, fasc. 1—2, 1964, стр. 3 сл.

⁵ P. Ch. Bagchi, India and Central Asia, Calcutta, 1955, стр. 19—41.

⁶ См. В. М. Штейн, Экономические и культурные связи между Китаем и Индией в древности, М., 1960; Б. Я. Ставиский, в кн. «История таджикского народа», I, М., 1963, стр. 397.

⁷ Я. Харматта (ук. соч.) предложил очень убедительную расшифровку этого имени, где Ань-ши = Аршак, а гао = кав — титул, хорошо известный в ряде иранских языков.

О статье Т. В. Грек «Индийские надписи на керамике из Кара-тепе» неспециалисту судить, естественно, трудно. Можно только отметить чрезвычайно важный вывод автора о связи эпиграфической традиции Термеза с собственно Индией, без промежуточных инстанций.

В целом весь сборник, несмотря на его небольшой объем, конечно, займет заметное место в историографии Средней Азии античной эпохи. Нельзя не отметить как существенное достоинство боль-

шое количество иллюстративного материала, необходимого в изданиях подобного рода. Жаль только, что фрагменты росписей изданы не в цвете (но этот упрек, конечно, относится не к авторам и редактору сборника, а к издательству). Раскопки на Кара-тепе продолжаются, и будем надеяться на продолжение (такое же оперативное, как и в данном случае) изданий материалов этой экспедиции.

Г. А. Кошеленко

Практикум по истории древнего мира. Для студентов-заочников исторических фактов педагогических ин-тов. Сост. Н. Л. Просина и И. С. Свенцицкая, М. Изд-во «Просвещение», 1965, 295 стр., тираж 1500 экз., цена 46 к.

Изданием «Практикума по истории древнего мира» восполнен существенный пробел в учебно-методической литературе, специально предназначенной для студентов-заочников, работающих над историческими источниками большей частью самостоятельно. Рецензируемое пособие снабжено необходимым для организации такой самостоятельной работы методическим аппаратом — примерными планами занятий по темам, списками основной и дополнительной литературы и источников, полезными методическими указаниями, комментариями и примечаниями к публикуемым текстам.

Материал подразделен на 20 тем — шесть по истории древнего Востока, семь — по истории Греции, семь — Рима. Тематика практических занятий связана с важнейшими проблемами древней истории — проблемами экономики, общественного и государственного строя, классовой борьбы, международных отношений. Видимо, ограниченностью объема пособия следует объяснить отсутствие таких важных тем, как «Греческая колонизация VIII—VI вв.», «Возникновение римского государства» и некоторые другие.

Составители пособия стремятся дать тексты каждого источника в последнем переводе. Например, тексты законов Хаммурапи, среднеассирийских и хеттских законов даны в переводе И. М. Дьяконова. Часть текстов заимствована из хрестоматий под ред. В. В. Струве, Д. П. Каллистов, С. Л. Утченко, из сборника «Античный способ производства» (ГАИМК, Л., 1933). Многие источники по истории эллинизма переведены И. С. Свенцицкой.

Приходится сожалеть, что среди источников по истории древнего Египта нет отрывков из сочинений античных авторов (например, из Диодора о труде рабов в рудниках, из Геродота о строительстве

пирамид). Хотя эти тексты, ярко рисующие тяжелое положение народных масс, формально и не соответствуют предложенной тематике по Египту, их желательно было бы с оговоркой включить. В число источников по теме 5 «Организация Персидской державы при Дарии I» следовало включить отрывок из Бехистунской надписи.

Тексты по темам из истории Греции и Рима подобраны, на наш взгляд, удачно: наряду с отрывками из сочинений древних историков приведено достаточное — в пределах ограниченных возможностей — количество официальных документов: надписей, юридических памятников, папирусов.

Нельзя, правда, не пожалеть о некоторых сокращениях, затрудняющих понимание источника. Достаточно было составителям исключить из «Поучений Хетти» незначительное по размеру начало текста, чтобы сделать малопонятным для студента происхождение этого интересного документа. Нельзя согласиться и с купюрами, произведенными в тексте «Пророчества Неферти» без соответствующих разъяснений. Досадно, что отрывок из «Илиады» (стр. 97) не обозначен как описание щита Ахилла, что значен как описание щита Ахилла, что нет нужных специальных разъяснений, например, к отрывку из текста Псевдоксенофоновой «Афинской политики» (стр. 155) или к тексту «Папирус из Филадельфии» (стр. 189).

Существенным недостатком списков рекомендуемой литературы по отдельным темам следует считать то, что источники не выделены в самостоятельную рубрику, причем одни источники попали в списки основной литературы, другие — дополнительной (как будто все источники не являются основой наших знаний по истории). Выделять источники в осо-